

К Р О К О Д И Л

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

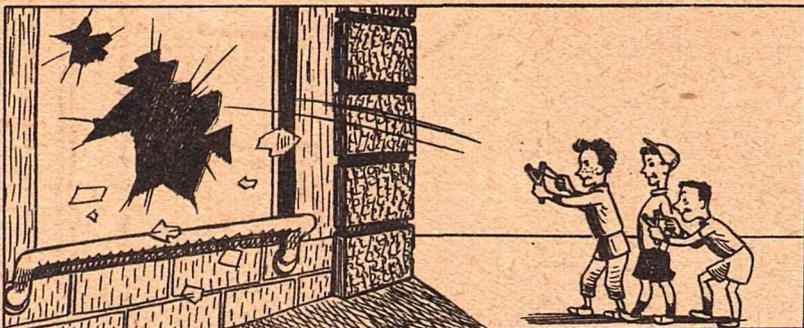

Рис. Л. Бродаты

ДОБРЫЙ ВЕСТНИК

ЧЕМБЕРЛЕН: — Сейчас к вам придут бандиты, сударыня. Рекомендую не сопротивляться. Вам же лучше будет.

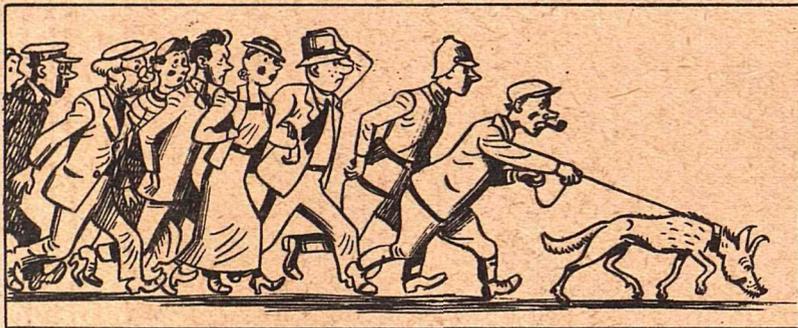
Рис. Ю. Ганфа

Маленький хулиган сделал свое дело и ушел.

Для розысков виновника вызвали знаменитую собаку-ищейку.

Собака обнюхала следы и ринулась вперед.

Час спустя знаменитая собака облаяла начальника управления начальной, а потом средней школ Наркомпроса. Умный пес смотрел в корень вещей!.

Среди прочих агитаторов в нашем районе был и товарищ Федосеев, Сергей Федорович.

Перед выборами в Верховный Совет СССР Сергей Федорович показал большую силу. Надо прямо сказать, что по части красноречия у него прорыв. В смысле фразы и всяких там восклицательных знаков полный дефицит. Но, если надо убедить человека в чем-нибудь, тут Федосеев — настоящий оратор.

По международному положению Федосеева никто у нас перешибить не мог.

Но особенно Федосеев наспециализировался по части земных недр. Осведомлен старик, где что у нас лежит в земле, и так подробно знает, как будто сам вчера туда положил.

В ноябре и декабре прошлого года во время предвыборной кампании он, можно сказать, не ел, не пил, не спал. Он и на избирательном участке, он и в домах, и в квартирах, и в общежитиях. Такую энергию развил, что прямо любоваться можно было человеком. Большое уважение приобрел в те дни Сергей Федорович. Его на собрания приглашают, его в президиум избирают. Но дело не в президиумах, а в том, что население нашего района с огромнейшим почетом относилось к нему.

Прошли выборы. И стало Сергею Федоровичу скучно. Расстроженный человек, он не мог спокойно сидеть на месте.

Пошел он в райком партии. А хоть он и беспартийный, но там его хорошо знают — лучший агитатор в районе! Пришел он в райком и просит живой работы среди масс. А ему говорят, что теперь, дескать, кампания кончилась, никакой агитационной текущей работы нет, если что потребуется, его позовут. До свиданья, дорогой товарищ Федосов!

— Не Федосов, а Федосеев, — сказал обиженно старик и ушел.

Прошел месяц, другой. О Сергее Федоровиче Федосееве как будто забыли и в райкоме и в горсовете.

И вот только наднях случайно вспомнили. Рылся кто-то в старых списках и наткнулся на его фамилию. Зовут его в горсовет, и рыжеволосая девица любезно говорит ему:

— Здравствуйте, товарищ Федосов, здравствуйте и садитесь.

— Сесть могу, — отвечает Сергей Федорович. — Спасибо. А только я не Федосов, а Федосеев.

— Это неважно.

— Нет, очень важно. Фамилия моя. Портить ее никому не позволю.

— Да тут разница всего в двух буквах.

— Каждая буква, — отвечает Сергей Федорович, — играет в нашей жизни немалую роль. Прошлый раз при выборах тоже спутали у меня несколько букв, и в избирательных списках вместо Федосеева получился Севастьянов. Так что давайте не путать буквы.

— Хорошо, — отвечает девица и конечно, улыбается. — Мы вас вот за чем пригласили, товарищ Федосов, то есть, извините, Федосеев. Мы желаем, по примеру прошлого, вовлечь вас в предвыборную агитационную работу. Чтоб вы агитировали за нашего кандидата.

— Не буду.

— Почему? Ведь прошлый раз...

— То прошлый раз. А теперь не буду.

— Не понимаю. Вам оказывается такое доверие. Это же, понимать надо, большая политическая кампания. Надо агитировать за кандидата нашего района.

— Не могу я агитировать за этого кандидата. Несподручно мне.

— Но почему? Это же знатный человек района. Это же... Вчера трехтысячное собрание рабочих завода выставило его кандидатуру.

— А как его фамилия?

— Фамилия?.. Я тут новый человек... Забыла. Сейчас посмотрю.

Девица развернула свежий номер газеты и прочла:

— Федосеев, Сергей Федорович.

Прочла, взглянула на своего собеседника и онемела.

А Сергей Федорович вдобавок еще пошутил:

— Сами, гражданка, агитируйте за этого кандидата.

Г. РЫКЛИН

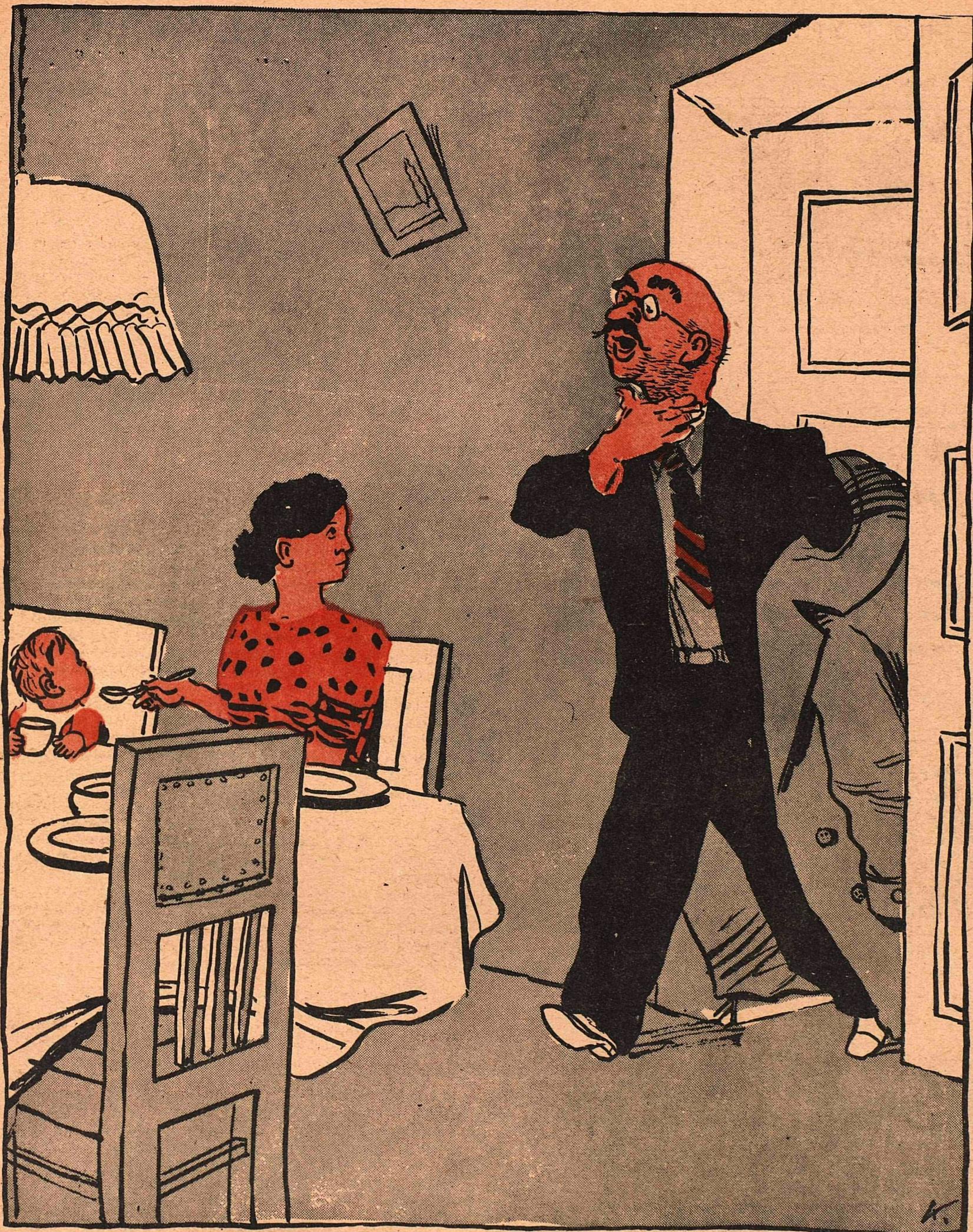

Рис. А. Каневского

ДОГАДЫВАЕТСЯ

- Бедняжка! Ты на своей партийной конференции договорился буквально до потери голоса!
- Ох, боюсь, что я договорился до потери многих голосов!..

Подготовили

— Ты слушаешь меня? Битый час долблю ему одно и то же, и хоть бы слово сказал... Пень какой-то, а не муж...

— Да слушаю же! Ну чего пристала с пустяками?

— С пустяками?... — Антонина Филипповна даже задыхнулась. — С пу-стя-ками? У мальчика от страха душа вон выходит, а тебе — пустяки.

— При чем душа? Выдумает ужасы и мелет целый день сама не знает что. Никаких страхов у Витьки быть не может...

— Выходит, я сочиняю? Да? Я, значит, на родное дитя поклепы навожу? Так?

— В самую точку. Сочиняешь. Обыкновенное у Витьки настроение, и даже он песни пел утром...

— Песни? Ну вот, довели ребенка.

Антонина Филипповна бессильно опустила на край стула и запримитала:

— Что же это теперь будет, а? Как же он теперь пойдет, а?..

— Ну чего? Чего завела опять? Уж и петь нельзя?

— Ну вот, я ж говорю — пень! Разве перед экзаменом поют? Это у него от волнения. Сейчас песни, а к вечеру жар. Сыпь пойдет нервная. А утром провалится, помани мое слово, провалится... Чего глаза выпучил? Ты пел перед экзаменами? Ну скажи, пел?..

— Нет, вроде, не до того было... Я закон божий зубрил... У нас отец Амвросий уж очень лют был... Все за вихры и за вихры...

— Ага, значит, не пел. Коля! Колька!..

— Ну, — пробасил из соседней комнаты старший сын. — Что у вас там?

— Пел ты перед экзаменом в школе?

— Нет... не пел.

— Ну, вот видишь. Это нервное. И поет от нервов и мяч сегодня на дворе гонял от того же. Помнишь, как у него за обедом глаза блестели. И соль просыпал... Не даром я всю ночь верблюдов каких-то во сне видела. Потом все троллейбусы. Красные двухэтажные и с трубой. Не к добру. Материнское сердце чует... Одни вы, изверги, ничего знать не хотите. Вам бы только в пешки играть, а дитя пусть пропадает...

Антонина Филипповна всхлинула. Василий Сергеич, почувствуя осложнения, отложил газету, а встревоженный Николай оторвался от своих чертежей.

— Что ты, в самом деле, — изверги да изверги, — пробурчал Василий Сергеич. — Ну чего ты хочешь? Говори толком...

Всхлипывания стихли. Антонина Филипповна встала, вытерла глаза и, решительно рубя воздух рукой, изложила свою программу:

— Придет Витенька — надо его успокоить. Обласкать. Гостинцев пообещать. Это раз. Ты, как отец, обязан с ним поговорить и помочь или там проверить, что он знает. Это два. А Николай пусть объяснит, как лучше сдавать, чтоб не провалиться. Ему виднее: он сам недавно кончал... Это вам три...

— Помочь — это я могу... — согласился Николай.

— Ну, нет. Отец постарше — он и поможет. А ты уж научи Витеньку, как этих учителей обойти. Ну там всякие ваши хитрости ему расскажи...

— Что ты, мать! Разве можно?.. Задачку, формулу я решу, а насчет этого и не проси...

— То есть, как — не проси! Брат он тебе или не брат?.. А? Отвечай?..

В полосе Антонины Филипповны зазвучали зловецкие нотки. И Николай одался.

Раздался звонок. В комнату вбежал запыхавшийся шустрый мальчишка лет двенадцати.

— Мам! Я сейчас в кино пойду с ребятами. Можно?

— В кино? Разве сейчас можно про кино думать?

— А что случилось?

— Как. Завтра-то... Забыл?

— Ах, экзамен. Так я ж знаю все. Мы готовились с ребятами.

— Знаю, знаю, — передразнил Николай, — не говори гоп, пока не перескочишь... На экзамене не знать надо, а суметь ответить... Тут особая механика... Ты лучше посиди дома, я тебе кое-что расскажу...

Через час Антонина Филипповна заглянула в комнату Николая. Вспотевший Витька под руководством старшего брата что-то выписывал на узеньких полосках бумаги, разрисовывал химическим карандашом руки выше локтя и прятал за ботинки какие-то комочки...

— ...Вот так, — доносился из-за двери бас Николая, — знать это каждый может, а шаргалка — это, брат, искусство. Тут тебе думать не надо: достал и пиши...

— А может, не надо шаргалок? Так можно?.. — спрашивал Витька.

— Что? Да кто ж без шаргалок сдает! Нет, ты смотри. Я тебе сейчас покажу особую штуку, которую в ухо спрятать можно...

Еще через час послушный Витя сидел за столом вместе с отцом. Перед ними лежали тетради и учебники...

— ...Значит так: «Из бассейна А вытекает воды на столько ведер больше, на сколько в бассейне В убавляется за 37 минут. А в бассейне С...» Что надо определить?

— Да вот эти... ведра... Сколько в час и вообще.

— Ага... значит, так: обозначаем бассейны через $X + Y$... Делаем уравнение с тремя неизвестными. Возводим в третью степень...

— Папа... Мы этого не проходили...

— Бассейнов?

— Да нет, третьей степени...

— Не важно. Так быстрее... И вообще не спорь с отцом! Что ты меня путаешь?

Еще через два часа, поздно ночью, с трудом подымая слипающиеся ресницы, Витя слушал последние наставления матери:

— Ты, главное, не волнуйся. И загадывай разные приметы. Утром будешь вставать, смотри, чтобы не с левой ноги. И сон утром мне расскажи, если будет. Да, еще штаны черные не надевай. Увидишь кошку или похороны по дороге — сверни...

На утро от вчерашнего радужного настроения Вити не осталось и следа. В голове путались замысловатые шаргалки брата, сложные, непонятные иксы третьей степени, о которых говорили отец и оранжевый слон, виденный во сне. Кроме того, из-за черной кошки, оказавшейся на дороге, Витя дал крюк и пришел к самому звонку. Просмотреть записи уже не оставалось времени. На самих испытаниях Витя перепутал шаргалки и в письменной работе нагородил что-то несусветное. У доски он вообще не мог говорить. Челюсть у него дергалась, а по лицу пошли красные пятна.

Домой он пришел сумрачный, молча бросил клеенчатый портфельчик под стол и безудержно заплакал. Все было ясно. Провалился. Отец уткнулся в газету. Николай презрительно пожал плечами и ушел к себе в комнату. Только Антонина Филипповна вдруг заголосила:

— Что же это такое? Что они в школе с детьми делают? Чему учат?.. Еще учителя называются... Из-за них, Витенька, только из-за них ты и провалился.

Витя не спорил. Ему теперь было все равно.

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

НЕУДАЧНЫЙ СПОСОБ

Рис. Н. Заверва

— Вся семья поставлена скупать газету, в которой меня ругают. И все-таки экземпляры попадают в чужие руки!

Володя в родильном доме

В полете мы все переболели животами. Это из-за воды. Каждый день мы пили из новой реки. Реки, озера, моря поразительно быстро проносились под крылом молоковской «летающей лодки». Мы завтракали на Лене, обедали на Алдане, а ужинать собирались в бухте Аян, на Охотском море. Мудрено ли, что частая перемена воды вызывала бунт в наших желудках?

Лечились мы верным, испытанным средством — опиумом. Пять капель опиума, разбавленных водой. Но скучно было считать капли, и мы наливали «на-глазок». Впрочем (сужу по себе), лекарство действовало безотказно.

Но то ли «перекапали» мы однажды, то ли у бортмеханика Володи был организм иной чем у меня, но на него лекарство подействовало иначе. К Усть-Камчатску он совсем разболелся. Он не жаловался, конечно, даже вообще ничего о болезни не говорил, работал попрежнему, но вид у него был скучный, лицо бледное, глаза потускнели, он молча страдал, как умеют терпеливо страдать только пилоты в пути.

Врач в Усть-Камчатске — женщина — осмотрел Володю и констатировал отравление.

— Вам нужно отлежаться денька два в больнице.

Володя покачал головой: разве пилоты болеют в дороге?

Но Молоков объявил, что воздушная обстановка позволяет Володе болеть. Экипаж пробудет три дня в Усть-Камчатске, пока «пассажиры» на тральщике сходят на Командорские острова. Володю уговорили.

Но тут возникло новое затруднение, и, казалось, непреодолимое. В Усть-Камчатске не было больницы. Здесь был только (и женщина-врач сообщила об этом очень смущенно), только... родильный покой.

Володя пришел в ужас. Он жалобно посмотрел на нас, и его взгляд говорил: «Предатели! Неужто положите вы меня в родилку?» Мы смеялись и сочувствовали ему. Напрасно уверял врач, что в родильном приюте сейчас нет ни одной роженицы, Володя только одно твердил в ответ:

— Ни за что! Хоть убейте. Ни за что!

Опять вмешался Молоков. Очень спокойно и, как всегда, рассудительно он объяснил Володе, что хочешь не хочешь, а надо лечь в родилку.

— Сам посуди. Зачем мне больной механик? — рассуждал он. — Мне механик нужен здоровый.

И прибавлял свое любимое:

— Понимаешь, нет?

Пришлось Володе лечь в родильный приют. Ну уж и натерпелся он страху! Каждый стук в дверь заставлял его обливаться холодным потом: вдруг это роженица? Все ужасы, которые он слышал про роды, мерещились ему: и схватки, и стоны, и мучки, и... Докторша напрасно уверяла его, что, по ее наблюдениям, во всей округе в ближайшие дни не предвидится вовсе родов.

— А вдруг преждевременные? — возражал Володя.

По-моему, не лекарства, а страх вылечил Володю: он выписался на третий день.

Вернувшись с Командорских островов, мы застали его уже у машины.

— Ну как, Володя, — закричали мы сочувственно, — родил? Благополучно?

Он ответил нам свирепым взглядом.

В. ГОРБАТОВ

Шарж Курьяникова

Прекрасный образец архитектуры
В Париже был советским павильоном дан.
В искусстве нашем видные фигуры —
Ваятель Мухина и зодчий Иофан.

Отец (сыну): — Учишься ты, лентяй, все хуже и хуже! Был предпоследним учеником, а теперь стал последним.

Сын: — Папечка, я не виноват. Иванов, последний ученик, перестал ходить, он сильно болен.

Роза - Мария

Иллюстрации Н. Радлова

Вот еще один фактический рассказ про попа.

Задумал один житель села Ф., некто товарищ Лебедев, окрестить своего младенца.

Так-то он шел до сих пор против религии. Он церкви не посещал. Ничего такого церковного не делал. И, даже, наоборот, имея передовые взгляды, состоял одно время в кружке безбожников.

Но у него в этом сезоне родилась девочка. И вот ее-то он и задумал окрестить.

Вернее, его жена, эта малодушная мать, подбила его это сделать. И не так даже жена, как ее родители дали тон всему делу. Поскольку они начали вякать: ах, дескать, некрасиво, если не крестить, дескать, вырастет или, наоборот, умрет и вдруг будет некрещеная.

Ну, несерьезные разговоры политически отсталых людей.

А Лебедев удивительно не хотел крестить свою девочку. Тем не менее душа у него дрогнула, когда на него насили. И он, имея противоречия, дал свое согласие. Он им так сказал:

— Ладно. Крестите ее. Только мне бы не хотелось, чтобы вокруг этого вопроса шум стоял. Безусловно, я волен распоряжаться своим мировоззрением. Хочу—крещу, хочу, наоборот,— не крещу. Но все-таки разговоры начнутся, пятое-десятое, дескать, крестил все-таки, собачий нос, обратился, дескать, к услугам церкви, дескать, не даром, скажут, дядя его в мирное время у домовладельца дворником служил.

На это жена ему сказала, что если он сам не надерется по случаю крещения дочери, то никакого шуму не будет стоять около этого вопроса.

И вот тогда родители договорились с попом, чтобы тот им окрестил девочку. И тот за пятерку взялся это сделать и назначил им день и час.

А тем временем родители зарегистрировали своего младенца в загсе под именем Роза, получили там мануфактуру и в определенный день явились в церковь для совершения крещения.

А в тот день там крестили еще одного младенца. И наши, ожидая своей очереди, стояли и глядели, как это происходит.

И сам Лебедев, будучи все-таки настроен против религии и имея, так сказать, критический взгляд на все церковное, не мог, безусловно, стоять молча. И он все время, конечно, задирал батюшку своими колкими замечаниями.

И чего батюшка ни сделает, Лебедев на это улыбается, а то и просто ему что-нибудь подруку говорит. Ну, загнул, говорит... Или там: ну, еще чего придумал... Или, глядя на рыжеватую растительность батюшки, вдруг говорит: «Рыжих-то и среди святых не было...»

Это последнее замечание вызвало небольшой смех среди родственников. Так что батюшка даже на минуту прервал крещение и на всех сердито поглядел.

А когда он взялся за лебедевского младенца, то Лебедев отчасти потерял чувство меры и уже начал открыто долбить батюшку своими ехидными замечаниями и предостережениями.

И даже совершенно громко сказал:

— Ну, гляди, борода, чтоб ребенок мой не простыл благодаря твоему крещению. А то прямо я храм спалю.

У батюшки даже руки затряслись, когда он это услышал.

Он так сказал Лебедеву:

— Слушайте, если вы сюда пришли меня все время поддевать, то я на вас удивляюсь. Вы отдаете себе отчет, что получается? В тот момент, когда я держу вашу девочку в руках, заместо очистительной молитвы у меня в душе разгорается против вас злоба и сквернословие. И вот какую путевку в жизнь я даю вашей девочке. Да, может, теперь ее всю жизнь будет лихорадить, или, наоборот, она станет глухонемая.

Лебедев говорит:

— Ну, если ты мне младенца испортишь, так я тебе все кудри вырву, имей это в виду.

Батюшка говорит:

— Лучше заверни своего щенка в одеяло и катись из храма. И я тебе верну пятерку, и мы разойдемся по-хорошему, чем я буду все время такое нахальство слышать.

Тут родственники начали одергивать Лебедева: дескать, заткни, действительно, глотку-то, дескать, обожди, вот выйдешь из храма и тогда отводи свою душу; дескать, не задерживай попа, а то он нам, чего доброго, девочку на пол опрочинет.

И хотя Лебедева раздирали противоречия, но он сдержался и ничего такого не ответил попу. Только он ему сказал:

— Ну, ладно, ладно, не буду больше. Веди благородней крещение, длинногровый.

Вот батюшка начал произносить церковные слова. Потом, обратившись к Лебедеву, говорит:

— Какое имя мне произносить? Как вы назвали своего ребенка?

Лебедев говорит:

— Мы ее назвали красиво — Роза.

Батюшка говорит:

— То есть, сколько хлопот вы мне доставили своим посещением. Мало того, что вы меня поддевали, так теперь выясняется, что вы не то имя дали младенцу. Роза — суть еврейское имя, и под этим именем я ее крестить отказываюсь.

Лебедев, растерявшись, говорит:

— Еще того чище. То он на ребенка лихорадку нагоняет, то он вообще отказывается его крестить. А это имя есть от слова «роза», то есть это есть растение, цветок. А другое дело, например,— Розалия Семеновна — кассирша из кооператива. Там я не спорю: есть еврейское имя. А тут вы не можете отказываться ее так крестить.

Батюшка говорит:

— Заверните своего ребенка в одеяло. Я его категорически не буду крестить. У меня в святцах нет такого имени.

Родственники говорят:

— Слушайте, мы же его в загсе под этим именем записали. Что вы, ей богу, горячку разводите.

Лебедев говорит:

— Я же вам говорил. Вот какой это поп. Он против загса идет. И сейчас всем видать, какое у него нахальное политическое настроение.

Поп, видя, что родные не уходят и ребенка не уносят, стал разоблачаться. Он снял свою парчевую ризу. И тут все увидели, что он теперь ходит в штанах и в высоких сапогах.

И он в таком богохульном виде подходит к образам и гасит свечи. И хочет выплеснуть воду из купели.

А в храме, между прочим, находилось одно приезжее лицо. Оно пришло сюда по делам для проверки кооператива. И теперь оно нарочно, просто так, от нечего делать, зашло в церковь, чтобы посмотреть, что там есть и как там сейчас бывает.

И теперь это лицо взяло слово и говорит:

— Я хотя решительно стою против обрядов и даже удивляюсь на темноту местных жителей, но раз ребенка уже развернули и родители горят желанием его окрестить, то это надо исполнить во что бы то ни стало. И чтобы выйти из создавшегося положения, я предлагаю вашего ребенка назвать двой-

ным именем. Например: у вас оно Роза, а тут, например, оно пускай Мария. И вместе это дает Роза-Мария. И даже есть такая оперетта, которая нам сигнализирует, что это в Европе бывает.

Поп говорит:

— Двойных имен у меня в святцах нету. И я даже удивляюсь, что вы меня этим собираетесь сбить. Если хотите, я ее Марией назову. Но Роза — я даже мысленно произносить не буду.

Лебедев говорит:

— Ну, пес с ним. Пускай он тогда ее Марией назовет. А после мы разберемся.

Батюшка снова натянул свою ризу и быстро, в течение пяти минут, произвел всю церковную операцию.

Лебедев беседовал с приезжим лицом и благодаря этому никаких своих замечаний по поводу действий попа не вставлял. Так что все прошло вполне благополучно.

Но надежды Лебедева — чтобы не было шуму вокруг этого вопроса — не оправдались. Как видите, сия история попала даже в печать.

МИХ. ЗОЦЕНКО

Бор. Ефимов - 38.

Рис. Бор. Ефимова

Редкий дипломатический случай, когда первую скрипку играют барабаны.

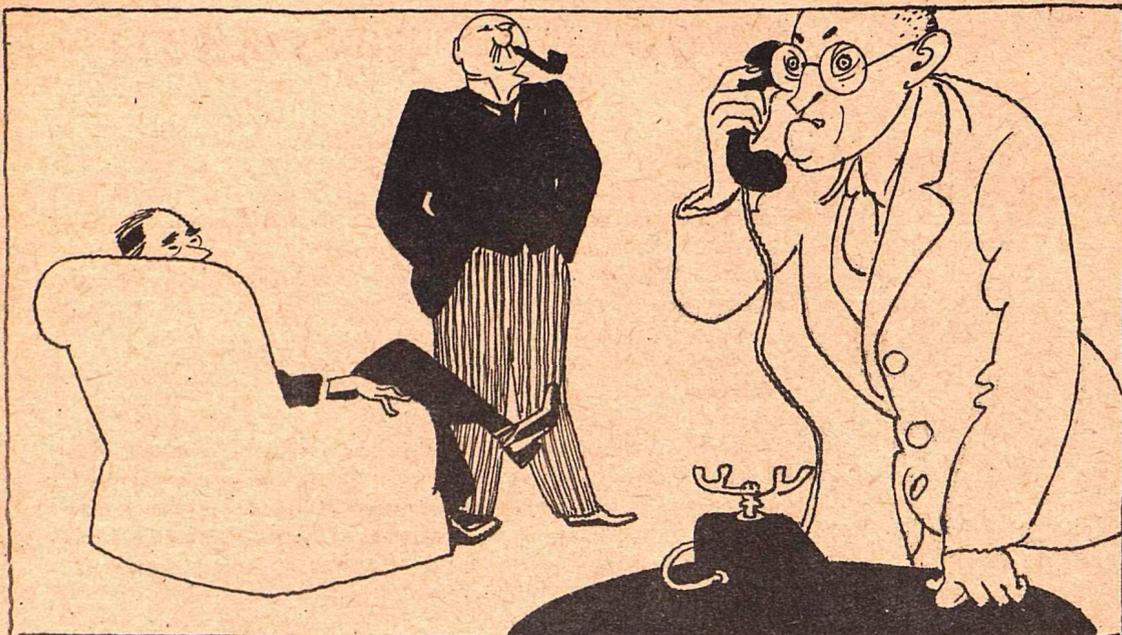

Рис. К. Ротова

А Л Л О! Б Е Р Л И Н?

— Генлейн не отходит от телефона. В чем дело?
— Ему же надо точно знать, чего еще он должен сегодня потребовать от чехословацкого правительства.

Счастливые платье

Зина Носкова, ученица восьмого класса, стояла в утреннем халатике перед открытым зеркальным шкафом и, мучительно морща лоб, соображала, в каком платье ей сегодня пойти в школу.

Не думайте, однако, что Зина была беспринципной кокеткой. Иные, более сложные внутренние мотивы заставляли ее переживать тяжкие минуты сомнений и колебаний перед распахнутым настежь шкафом.

Дело в том, что у Зины Носковой были три счастливых платья: голубенькое, очень хорошенькое и любимое, в котором везло на спросах по русскому языку; некрасивое коричневое, приносившее, тем не менее, счастье по математике; и серенькое клетчатое, которое помогало на письменных работах.

«Надену голубенькое, — решила Зина Носкова. — Определенно меня Аделаида может сегодня спросить. Кстати, оно мне идет, голубенькое».

Она уже протянула руку, чтобы снять голубенькое с вешалки, но тут новая мысль, словно бенгальским огнем, озарила ее бедную голову.

«Дура я какая! Спросит меня Аделаида нет ли, — это еще вопрос. А вот по алгебре Иван Кондратьевич определенно вызовет. Он ко мне уже давно подкрадывается. Надену коричневое!»

Зина Носкова сняла с вешалки некрасивое коричневое и уже расстегнула халатик, как вдруг даже похолодела вся.

«Я с ума сошла! Девчонки вчера говорили, что сегодня определенно будет письменный по немецкому. А я ни в зуб!»

Зина Носкова повесила назад некрасивое коричневое, приносившее счастье по математике, и быстро надела клетчатое серенькое, помогавшее одолевать рифы и мели письменных работ.

Серенькое клетчатое оказалось надеть зря: «немка» Агнеса Николаевна спросила одного мальчика, а потом стала объяснять грамматические правила и так увлеклась, что объясняла до самого звонка. А на большой перемене на Зину как буря налетела Нинка Каштанова, бледная, с горящими малиновым огнем от страшного возбуждения ушами, и заговорила быстро-быстро:

— Только что узнала! Будет поголовный спрос по алгебре! Говорят, на урок придет представитель из МОНО! Ох, Зиночка, хорошо что я свое зелененькое, математическое надела!

— А помнишь, как ты срезалась в этом самом зелененьком на уравнении с двумя неизвестными?

— А зато другой раз — помнишь? — Иван Кондратьевич

обязательно должен был меня вызвать. И вдруг не вызвал. А я в зелененьком была. Нет, ты не спорь. У нас в семье зеленый цвет счастливый. Можешь бабушку мою спросить! Ей уже за восемьдесят, она почти глухая, а до сих пор вся зеленая ходит! Я тебе как лучшая твоя подруга советую: не теряй времени, беги скорей домой, надень свое коричневое, математическое. А то засыпешься при этом самом МОНО.

Она умчалась. Несколько минут Зина Носкова в тяжелом раздумье стояла у окна. Потом медленно, нерешительно стала спускаться по лестнице. А затем бросилась со всех ног в раздевалку.

Через двадцать пять минут запыхавшаяся, трепещущая, взволнованная, в некрасивом коричневом платье, она стояла перед закрытой дверью восьмого класса, где уже шел урок, и мысленно считала до двадцати, чтобы немного успокоиться.

— Двадцать! — вслух сказала Зина и открыла тяжелую дверь.

На учительской кафедре сидела Аделаида Марковна, учительница русского языка и близорукими глазами шарил по классному журналу: кого бы вызвать?

— Здравствуйте, Аделаида Марковна, — пролепетала потрясенная Зина краснея.

— Ты опять опоздала на урок, Зина Носкова? — сухо заметила словесница. — Иди-ка за это к доске.

Зина, трепеща, приблизилась к доске.

— Скажи нам... ну, дай хотя бы характеристику Печорина.

От хлопот с переодеванием, беготни и тревожений все вылетело из зининой головы.

— Печорин был героем, — неуверенно сказала Зина.

— Так. Каким же он был героем?

— Он был героем нашего времени.

— Так. Что еще ты можешь про него сказать?

Зина подумала и честно призналась:

— Больше ничего не могу про него сказать.

— Та-ак. Не можешь сказать про героя, скажи хотя бы про его время. Какое это было время?

— Наше.

— Это все, что ты можешь сказать про время?

— Все!

— Садись, Зина Носкова. Я тебя не узнаю, очень плохо. Совершенно несчастная Зина села на свое место рядом с Нинкой Каштановой.

— Понимаешь, передвинули уроки, — сочувственно прошептала Нинка, — алгебра — следующий.

Нинка Каштанова не соврала. Следующий урок был алгебра, и Иван Кондратьевич, математик, действительно вошел в класс с неизвестной женщиной в синем платье. Должно быть, загадочная женщина и была представителем из МОНО.

Класс замер, ожидая поголовного спроса. Иван Кондратьевич шепнул что-то своей спутнице и вдруг сказал промком:

— Ребята, выньте тетради. Будет письменная работа.

Зина Носкова тихо ахнула:

— Опять я не то платье надела!

Задача была нетрудная, но, удрученная провалом по русскому и горестной мыслью о том, что серенькое клетчатое совершенно непродуктивно висит сейчас дома в шкафу, Зина не решила ни задачи, ни примера.

Домой она возвращалась вместе с Нинкой Каштановой. Нинка утешала ее, но Зина угрюмо отмалчивалась.

— Ты не горюй, — болтала Нинка, черненькая, остроносенькая, похожая на бойкую городскую галку. — Вот увидишь, что по усному ты у него получишь отлично. Хочешь, пойдешь сейчас ко мне? Бабушка наша тебе погадает.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Короткие рассказы

Полезьа

Когда кончилась избирательная кампания, Сергею Виноградову, студенту второго курса, сказали соседи по комнате:

— Небось, Сергей Иванович, благодаря избирательной кампании еще покультурнее стал?

— Еще бы! Особенно благодаря домохозяйкам.

— Почему домохозяйкам? Ты в чем кружке был?

— В своем.

И пояснил дальше:

— Меня ж выделили агитатором. Ну, подготовился я насчет истории СССР и пошел к своим домохозяйкам. А они — мало истории, дай еще экономикку. Два дня сидел, литературу по экономике прорабатывал. А им и экономики мало, дай еще географию страны... И так они меня вопросами затуркали, что я эти дни от книг не отрывался!.. Бо-ольшую пользу себе от этого кружка имею!..

Авральщики

Председатель райсовета улыбнулся. Посетитель возмутился:

— У вас еще не готовы списки избирателей, а до выборов осталось всего сорок дней!

— Неправда. Сорок дней и сорок ночей... Мы и в тот раз по ночам в авральном порядке допечатывали списки. Ну и теперь поэтому спокойны...

Рост

Через полчаса после того как под воротами были вывешены списки избирателей, в контору домового хозяйства запылавшись вбежала Маня Перепелкина. Едва переводя дух, Маня принялась ругаться:

— Это что ж такое?! Да вы почему меня пропустили?! Я голос имею, а вы...

— Успокойтесь... как вас?

— Перепелкина, Мария Егоровна!

— Перепелкина? Сейчас наведем справку. Перепелкина, Перепелкина, Перепелкина... Пе... Петров, — начал листать списки управхоз. — Перепелкина? Мария?

— Егоровна. Ну, да!

— Все в порядке. Вы и не должны быть! Вам 18 лет нет.

— Да вы с зимних списков смотрите! Тогда мне не было. А теперь есть. Я расту. Мы все растем. А вы, лентяи, со старых списков списываете... Да я...

И пошла, и пошла...

В. ТОБОЛЯКОВ

Происшествия

Призраки и привидения. В милицию явился гражданин Б., проживающий на втором этаже нового дома, заселенного два с половиной года назад. Он пожаловался на хулиганское поведение со стороны лиц, которые, по его словам, относятся к категории призраков и привидений. Живут эти призраки и привидения непосредственно под ним, в торговых помещениях этого нового дома. Призраки позволяют себе: а) душераздирающие крики, б) мистические стукки, в) чудовищные голоса, произносящие угрозы, и пр.

Работниками милиции у тановлено, что, по примеру очень многих московских домов, жилые помещения которых заселяются гораздо раньше их готовности, а торговые помещения остаются пустыми в течение нескольких лет, так как средства на отделку этих торговых помещений строительная организация обычно растрчивает на отделку жилой ча-

сти дома, — в доме, где проживает гражданин Б., вот уже третий год пустуют торговые помещения. Ночной сторож С., которому поручена охрана дома, давно уже учел это обстоятельство и самовольно переселил четыре семьи своих родственников в эти торговые помещения. Среди этих семейств имеется одна очень склочная семья, члены которой ссорятся между собой, дерутся и проч. Вот это и создало у впечатлительного Б. представление, что ниже его живут привидения. В настоящее время все призраки и привидения расселены по местам прежнего жительства.

Неосторожность. Гражданин Ц. попал в театр оперетты на «Голубые скалы». В глубоком сонном состоянии он был вынесен из зрительного зала и отправлен домой в карете скорой театральной помощи.

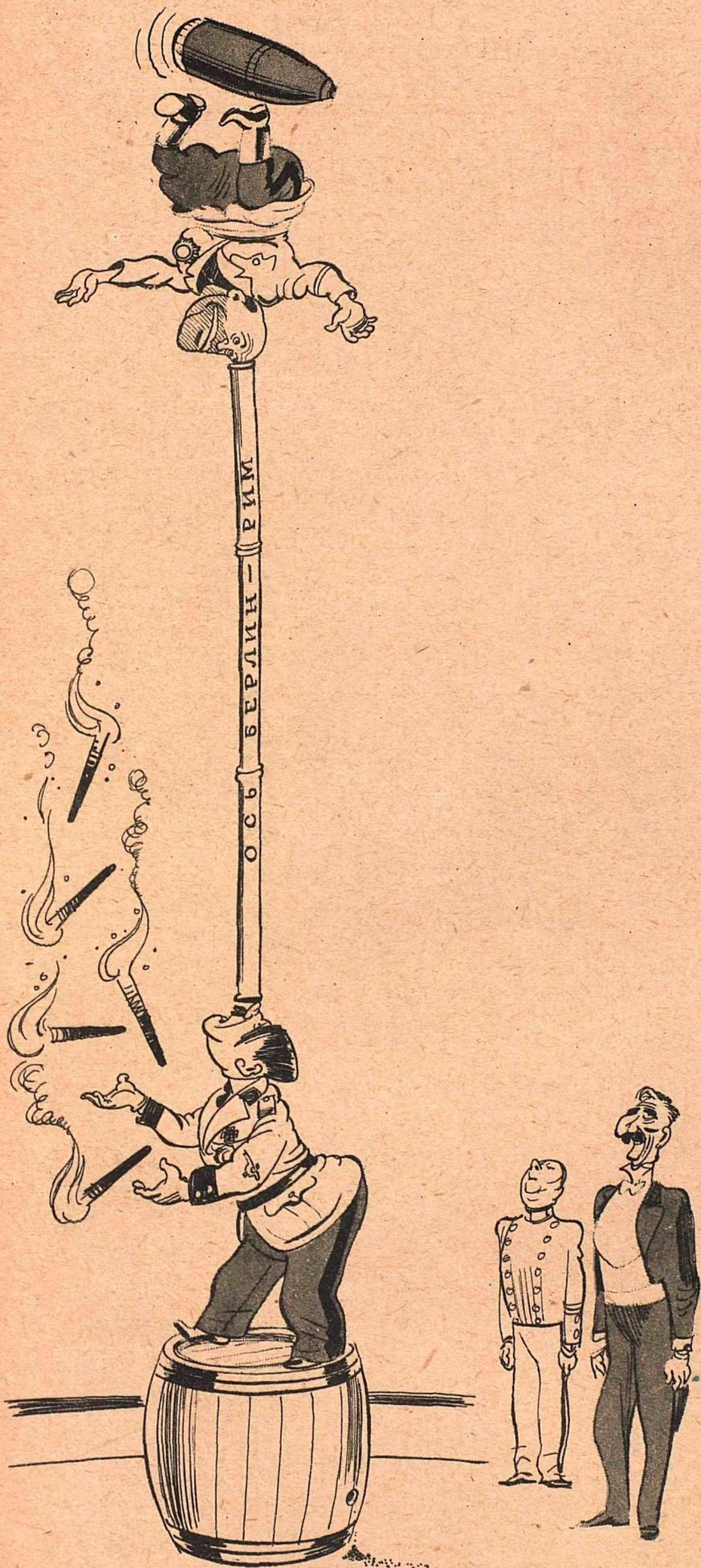

Рис. К. Ротова

Опасный номер на пороховой бочке.

Лен 38

Рис. Л. Генча

СОШЛИСЬ ВО ВКУСАХ

- Почему райком утвердил его пионервожатым? Он же терпеть не может детей!
- Наверное, наш райком их тоже не очень любит!

ОБ ОСАДКАХ

В Лысьве (Свердловской области) 1 Мая демонстрации не было. Первомайская демонстрация по причине возможных осадков была перенесена на 6 мая. Ввиду того что от этого неслыханного в советской практике переноса первомайской демонстрации остается очень неважный осадок, считаем необходимым перенести обсуждение всего этого дела на заседание бюро Свердловского обкома партии. Нужно надеяться, что это заседание состоится при любой погоде.

СОВЕСТНО

Редактор житковичской районной газеты «Прымежный комунар» Ястремский написал своему наборщику Букчину характеристику:

«Букчин Шлема Самойлов родился в 1917 году в местечке Житкович работал по найму и в 1919 году умер. В 1932 году поступил работать в типографию районной газеты «Прымежный комунар» в качестве наборщика где работает и сейчас».

Одно из двух: или Букчин умер двух лет от роду, — тогда нельзя так легкомысленно обращаться с покойниками; или же он и не думал умирать, — тогда нельзя так легкомысленно относиться к писанию ответственных характеристик.

В обоих случаях становится немного совестно за тов. Ястремского. Совсем не этого мы от него ожидали.

КОНТРОЛЬ РУБЛЕМ

Из всех способов борьбы с самокритикой, применяемых бюрократами, наиболее оригинальный придумал директор Ирбитского леспромхоза Мусатов. Его обидела газета «Ударник леса». Она написала, что он больше интересуется охотой чем сплавом леса, причем самое обидное было то, что газета написала правду.

— Ах, так! — сказал оскорбленный Мусатов. — В таком случае я ударю по вас рублем.

И 5 мая, то есть в День печати, послал газете «Ударник леса» письмо, в котором поставил редактора в известность, что

«с сего числа финансирование на содержание газеты «Ударник леса» прекращаю, так как газета, не доходящая до рабочих, по-моему, ненужна».

А по-нашему, Мусатов так жестоко поступил с газетой именно потому, что она доходит до рабочих. Во всяком случае, дошел до рабочих и, безусловно, им понравился тот номер, в котором были помещены заметка и карикатура на этого интересного директора леспромхоза.

Льстим себя надеждой, что еще задолго до следующего Дня печати финансирование газеты «Ударник леса» перейдет в руки человека, более разбирающегося в принципах большевистской самокритики.

ВМЕСТО ОТЧЕТА

18 мая сотрудник Крокодила, человек инициативный и напористый, был послан редакцией в Центральный парк культуры и отдыха имени Горького. Ему сказали:

— Пойдите в парк и проведите вечер, как обычный отдыхающий москвич. А потом напишите небольшой отчет, дышащий, конечно, бодростью и оптимизмом.

— Есть провести вечер и написать, — молодежато ответил бравый сотрудник и, выклячив у неумолимого диспетчера машину, уехал.

Через полтора часа он вернулся безрадостный и опустошенный. Оторванный лацкан его нового пиджака печально покачивался в такт его грустному рассказу. Короче говоря, наш сотрудник в парк не попал потому, что к входным кассам нельзя было пробиться сквозь толпищу людей, жаждущих купить входной билет. Конечно, он мог пойти к администратору и предъявить свое редакционное удостоверение. Но он имел твердую директиву провести вечер как обычный москвич и поэтому не попал в парк.

Тогда редакция послала в парк другого сотрудника. Он также не смог пробиться к входным кассам и поэтому купил билет в тамошний кинотеатр. Этот билет давал право входа в парк. Попав, наконец, в парк, сей хитроумный сотрудник вспомнил, что он с утра, то есть добрых десять часов, ничего не ел. Обойдя почти всю огромную территорию парка и не обнаружив нигде никаких признаков бутербродов, наш сотрудник стал семьдесят вторым в очередь у входа в ресторан-поплавок. Когда до заветных дверей поплавок осталось десять — двенадцать человек, парк уже закончил свой трудовой вечер.

Голодный и злой, вернулся наш сотрудник в редакцию. Нет повести печальнее на свете чем поиски обеда в этом парке!..

Исходя из вышеизложенных обстоятельств, Крокодил, к глубочайшему своему сожалению, так и не смог поместить на своих страницах отчет о вечере в Парке культуры и отдыха имени Горького.

Рис. Н. Радлова

ПЕРЕД ИСПЫТАНИЯМИ

— Ох, боюсь! А вдруг он тоже трудный билет вытянет?

Доклад на педагогические темы

Неслышно ступая мягкими лапами, размахивая царственным хвостом и тихонько урча, лев подкрадывался к человеку. Один прыжок — и несчастный оказался в объятиях дикого зверя.

Борьба шла недолго. Шелкнули клыки. Отрадный зверь проглотил свою порцию и облизнулся.

В такой обстановке начался доклад.

Нам не раз приходилось слышать доклады. Бывало скучновато. Интересно. Длинновато. Замечательно. Здорово. Бредово. Остроумно. Но на этом докладе нам впервые стало страшно.

А докладчик улыбался и шутил. Такая уж натура у заслуженного артиста республики Бориса Эдуардовича Эдэра.

Шесть львов забралась на лесенку. Они уселись на ней, как курортники на ступеньках санатория перед коллективной фотосъемкой. Потом львы катились на шарах. Потом ходили по деревянному буму. Потом били картинки на английский манер: зверей с подлинными львиными гривами довольно бесче-

в карманах дрессировщика.

Первое знакомство со львами окончилось гибелью взятой напрокат куртки. Эдэр неслыханно горевал: кто будет отвечать за куртку? Лев?

Теперь берберийские львы слушаются каждого слова Бориса Эдэра. Педагогика есть педагогика! Олава об укротителе неукротимых натур росла.

И вот за кулисы цирка как-то явилась пожилая женщина.

— Вы должны спасти меня и моего мальчишка, — безапелляционно сообщила она. — Помогите мне.

— Я...

— Не противоречьте. Вы можете сделать все. Спасите моего сына. Он не хочет учиться, лазает по крышам и крутит кошкам хвосты. Он отбил от рук. Он никого не слушает.

— Я...

— Ах, вам нужны деньги? Хорошо, я продам бабушкин салон.

— Я не возьму денег. Покажите мальчишку.

Мальчишку показали. Они поговорили по душам. «Неукротимая натура» оказалась веселым озорником,

ремонно брали за хвосты, бросали о землю — и они лишь согласно поднимали вверх лапки. Затем пятерых львов клали в ряд и накрывали шестым. Получалась довольно удобная мебель, на которую ложился Борис Эдэр. Чувствовалось, что подобное сооружение куда приятнее изделий мебельных фабрик: а) мягче, б) крепче, в) удачнее стилизовано под львиные головы, г) безопаснее: ведь пружины дивана впадают в бок всегда, а клыки львов режут.

Кроме того львы дружно рычали под звуки патефона, а публика улавливала в этом хоре знакомые мотивы радиопередач.

Борис Эдэр любезно пояснил, как дошел он до жизни такой.

— Вы были гимнастом, акробатом, «человеком воздуха», — сказали однажды ему. — А теперь вам нужно стать королем царей-зверей.

Отбросив обычные для заграничных Дембоков и К° пистолеты, острые палки и бичи, Эдэр вооружился терпением, водой и мясом. Терпение было в нем самом, вода — в шлангах с брандспойтами, мясо —

которому надоели скучные нотации старших. Ему хотелось живого дела. Борис Эдуардович нашел для мальчишка занятие «по душе». Он посоветовал ему записаться в кружок юннатов... Кошки и их хвосты были ослеплены в покое. Мальчик взялся за книги. И, факт остается фактом, через полгода Эдэр получил письмо: «Мой сын стал отличником».

Педагогика есть педагогика. Цирк есть цирк. Не правда ли, товарищи наркомпроовцы?

Между тем последний царь пустыни торопливо побежал домой, и публика кинулась за калошами.

— Котик, — капризно протянула миловидная девушка, — почему ты у меня не укротитель?

— Я попробую, Муся, — неуверенно ответил Котик.

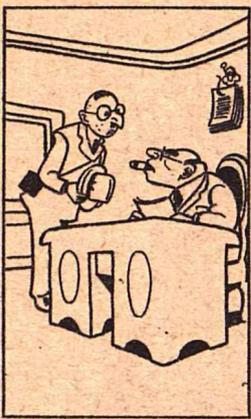
— Да? Милый! Мы будем держать его в ванной комнате. Марья Сергеевна тогда узнает, как наливать в свой примус чужой бензин.

Глухо рыча, гардеробщики расправлялись с ворохами одежды. Под куполом цирка плавно висел одинокий старый дирижабль. Регламент истек, и представление было объявлено закрытым.

ЛЕВ ЛЬВОВ

Рис. Ю. Ганфа

— Газете нужна сенсация! — сказал редактор репортеру. — Поищите ее. Ведь наша жизнь так богата событиями!..

Под мостом стояли безработные. Старый профессор просил подаяния. — Это не сенсация, — решил репортер и прошел мимо.

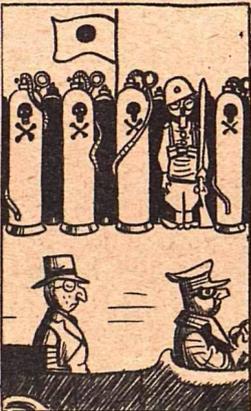
— Самоубийство из нужды? Подумаешь!..

— И вчера разогнали и третьего дня. Нет, это тоже неинтересно!

— Ничего особенного, самая обыкновенная бомбардировка мирного населения. Где же сенсация, где?!

— Ядовитые газы? Чепуха! Не то!..

— Интимный разговор деловых людей? Как-то даже неудобно вмешиваться в их беседу!

— Что вы говорите, баронесса?! Вы разводитесь со своим мужем?! Да ведь это неслыханная сенсация! Я сейчас же передам об этом в свою редакцию!

Трепач

Он носился по аэродрому с киноаппаратом, утомляя окружающих своей болтливостью. Командир эскадрильи подозвал начальника штаба и досадливо приказал: — Посадите оператора на машину Стрельцовой... Пристал, не отвяжешься: ему в кадр девушка необходима...

Шагая на старт с начальником штаба, Сева Кукушкин всю дорогу рассказывал анекдоты, соображая, как бы половчей ему завязать знакомство со Стрельцовой. Когда он увидел ее в первый раз, стройную, загорелую, в синем комбинезоне, с выбивающейся из-под шлема прядкой каштановых волос, он сказал себе: «Держись, Кукушкин, такой девушки ты еще не встречал!»

Сева Кукушкин считал себя неотразимым. И особенно, когда держал в руках киноаппарат. Одевался он всегда по последней моде: светлосерая кепка, широкие брюки, галстук цвета бычьей крови. У него были разные подходы к девушкам: обыкновенных, вечериночных, он убивал тонкостями кинематографической техники; девушек, связанных с техникой, — шоферов, метростроюков, — он бил поэзией и изысканностью обращения.

Начальник штаба представил его Стрельцовой.

— Чрезвычайно рад! Позвольте представиться: один из железной когорты бесстрашных операторов, Кукушкин!

— Как, как? — переспросила Стрельцова и засмеялась.

— Кукушкин.

— Я очень люблю кино. И хорошо знаю наших операторов, побывавших в Испании и на Северном полюсе, но вашей фамилии я никогда не встречала...

— Таких, как я, — один... Вас, кажется, Валией зовут?

— Правильно. Но в чем же, однако, выразилось ваше бесстрашие?

Но Сева не успел ответить: ослепительная ракета выбросилась в небо, и Валя торопливо приказала:

— Давайте в машину! Сейчас вылетаем!

Яростно заревел мотор, Кукушкин надел кепку козырьком назад. Впервые в жизни ему приходилось подниматься в воздух, но он решил держаться геройски. Валя вставила в ухо шланг переговорного аппарата и указала Севе на рупор в его кабине:

— Телефон. В случае чего можете передать...

«Вот оно, — подумал радостно Сева, — само счастье в руки валится!»

— Значит, взлетаем? — крикнул он в рупор. Валя утвердительно кивнула головой. По сигналу стартера самолеты одновременно оторвались от земли. Кукушкин так был увлечен этим зрелищем, что не успел даже заснять момент взлета. Собственно, он больше был увлечен пилотом чем воздушным парадом.

— Правда, восхитительно? — спросил он по телефону.

Валя сурово оглянулась, но ничего не ответила. Она всецело была занята управлением. Самолеты шли на сближен-

ных дистанциях, в воздухе подбалтывало, от пилота требовалось исключительное внимание для точного соблюдения строя. Внизу шли поля, реки, села. Над лесом эскадрилья встретила с группой бомбардировщиков, и вся армада, построившись, направилась к центру города.

«Пора действовать», — решил Кукушкин: он был опытный ухажер.

— Вы любите стихи? — спросил он в рупор.

Валя ничего не ответила. «Значит, любит! Молчание — знак согласия». И он прочитал с вдохновением:

«Ветер, ветер
На всем белом свете!..»

Валя полуобернулась и, как ему показалось, ответила улыбкой. Это подстегнуло Кукушкина — он приступил к делу без дальних разговоров:

— Валя, вы лучшая девушка нашей счастливой страны! Я всегда мечтал о таких героических женщинах!.. — он испытующе посмотрел на ее шлем.

Валя сидела тихо. «Клюет! Вперед, Кукушкин!»

«Моя былиночка, Моя снежиночка!» — запел он в рупор.

— Валя, что скрывать, вы мне понравились!.. Не буду таить своих чувств! Я вижу, что и я вам небезразличен!.. Сегодня вечером, после парада, мы пойдем с вами в «Метрополь». Это будет великолепная картина: известный кинооператор и бесстрашная девушка-пилот!.. Я расцениваю ваше молчание как знак согласия!.. Если я вам не нравлюсь, покачайте головой, если да, — сидите спокойно!..

Валя не пошевелилась.

— Спасибо, моя птичка, я так и предполагал!..

«Я сегодня смеюсь над собой...» — запел он, счастливый от успеха. Увлеченный разговорами, Кукушкин ни разу даже не взглянул на землю. Спихнулся он лишь тогда, когда самолеты шли на посадку: «Чорт с ним, с хроникой, тут дело поважнее!»

Замерзший, но довольный успехом операции, Кукушкин выбрался из кабины.

— Значит, сегодня? — спросил он заглядывая ей в глаза.

— Что сегодня?

— В «Метрополе»...

— Что в «Метрополе?»

— Валечка, зачем вы играете с огнем? Она посмотрела на него, как смотрят на сумасшедшего:

— Я вас не понимаю.

— Я же вам по телефону говорил!

— А я не слышала, — признался чистосердечно Валя. — Я на взлете отстегнула переговорный шланг: он мешал мне...

— Значит, я говорил...

— Просто в пол, — рассмеялась Валя и пошла с рапортом к командиру отряда. Кукушкин печально раскрыл рот и бессильно присел на колесо самолета.

ИВАН РАХИЛЛО

Пока еще не москвичу

Как говорится: кто о чем...
А я начну признанием личным:
Я не родился москвичом,
А стал я жителем столичным!

При свете солнечных лучей
И вечерами и ночами
Я вижу новых москвичей,
Недавно ставших москвичами...

Они со всей Москвой на «ты»...
Они проходят все тоннели,
Они возводят все мосты
И расширяют все панели!

У них задорные слова,
У них лишь детство за плечами...
И молодеет вся Москва
Перед такими москвичами...

И если ты, мой друг, сюда
Когда-нибудь приедешь снова,
То в нашем городе труда
Держи себя смелей и строже.

Стрежься работать за двоих,
Ты начинай такое дело,
Чтобы Москва от рук твоих
Еще быстрее молодела.

И ты почувствуешь тогда,
Что для тебя по людным паркам
Звенит фонтанная вода
При свете ярком и неярком,

И для тебя панель метут,
И все твою особу ценят,
И даже загсы там и тут
Тебя в любое время женят...

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

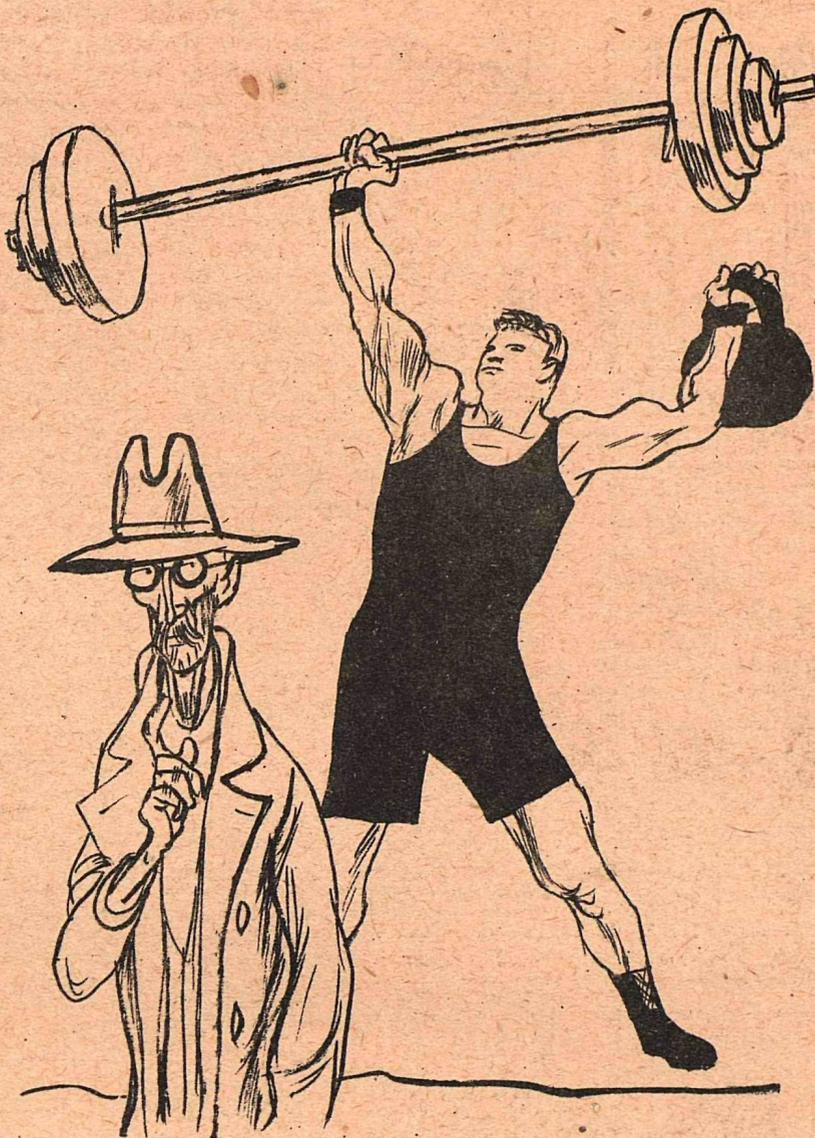

Рис. М. Черемных

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС
ПРЕДМЕСТКОМА: — Безобразие! Один человек
должен поднимать такую тяжесть. А где же физкультурная общественность?..

ДОВОЛЬНО СТЫДНО

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРИШИБЕЕВ

Начнем лирически:

«Бегут ручьи по тающим снегам,
Пришла весна, и солнце, улыбаясь,
Бросает луч в широкие луга...»

Честное слово, неплохо! Вот он, весенний день! Мелкие ручейки бегут по тающему серому снегу. Солнце... Тепло... Радостно у поэта на душе...

Впрочем, нет. Нерадостно на душе у И. Слойкова, поместившего это стихотворение в политотдельской газете «Сталинский путь» Ярославской железной дороги. Какая уж тут радость, когда начинающий автор попался на глаза грозному А. Токареву!

— Ах, снега? Тающие? — возмутился Токарев. — Солнце улыбается? Вот мы ему сейчас...

И в «Рыбинской правде» появилась заметка Токарева под мягким заголовком «Стихотворный бред». Автор безжалостно подчеркнул и тающие снега и улыбающееся солнце, а о самом молодом авторе сказал следующее:

«...когда читаешь «произведение» И. Слойкова, невольно возникает сомнение: в здравом ли уме человек писал эти строки? Стихотворение начинается «лирическим вступлением»...

Обратите внимание на схидные кавычки!

А дальше:

«После этого вступления автор пытается вольно или невольно протащить явно враждебную «теорию» о том, что теперь на поля пришла трактор, — значит, лошадь больше ненужна. Он пишет:

«Тебе, савраска, в пашню отдыхать,
Вызванивай ошейным колокольцем.
Сумеют все поля перепашать
Железный трактор с юным комсомольцем».

Вот и «дело» человеку пришили. А что стихи не так уж плохи и обвинения вздорны, — это неважно! Был бы развязный тон! Прямо беда с этим А. Токаревым. Типичный не Белинский.

ГЛАВНЫЕ ВИНОВНИКИ

«Декада московских зрелищ» (есть такой журнал) подробно рассказывает о новой постановке театра Ленсовета «Терентий Иванович». Как мы читаем в журнале, художник И. К. Зиновьев отказался от загромождения сцены конструкциями и станками; постановщик К. А. Зубов и режиссеры О. С. Литовский и Н. В. Чистяков трактуют пьесу в героическом плане; песни и музыка к пьесе написаны композитором Б. С. Шехтером и поэтом А. Сурковым. Только одну фамилию забыл указать журнал — фамилию автора пьесы. Пренебрег журнал подобной мелочью.

Поэтому приходится уже нам сообщить, что пьесу написал Ю. Свириин, а журнал «Декада московских зрелищ» редактирует Е. Орликова. О Ю. Свириине мы указываем потому, что считаем его (как-никак!) главным виновником новой постановки театра, а Е. Орликову — главной виновницей пренебрежительного отношения журнала к авторским кадрам.

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Посылаю тебе небольшой научный труд — скромный географический очерк об одном знаменитом районе:

«Серговский район. Расположен в Донбассе. Украинская ССР. Донецкая область. От районного центра города Серго до Киева 800 километров по железной дороге, до областного центра — города Сталино — 113 километров. До Киева 18 часов, до города Сталино 4 часа езды. Город Серго имеет телефон, телеграф, радио и другие современные средства связи. Основное занятие жителей района — угледобыча. Известен всему Союзу как родина стахановского движения. Много способных молодых работников выдвинуто на руководящие посты.

Несмотря на прекрасную связь и удобные средства передвижения район не привлекает руководящих путешественников из Киева и города Сталино. За последний год в городе Серго не удалось ни разу наблюдать представителей из области. Заинтересованные в знакомстве с областными руководителями, молодые работники уверяют, что население областных организаций охотится главным образом за бумажными сводками и цифрами. В городе есть древности. Шесть лет уже стены будущего Дворца культуры заменяют нам руины. В течение всего этого времени строительство Дворца, которое ведет Донюжжилстрой, почти не подвигается...»

Пока достаточно. Прошу переслать этот труд председателю облисполкома тов. Шпилевому. Может быть, ознакомившись с этим материалом, он заинтересуется нуждами Серговского района.

МИРОН ДЮКАНОВ,
секретарь Серговского горкома КП(б)У,
депутат Верховного Совета СССР

Дорогой Крокодил!

У меня есть уже почти все для мотоспорта, нет только самого мотоциклета. Мелочь, а тормозит все дело. Я зарабатываю свыше 3 тысяч рублей в месяц и давно собрал на мотоцикл нужную сумму, но нигде у нас в районе мотоциклами не торгуют.

Наш район обслуживает контора № 3 Межрайторга. У начальника конторы Силина невысокий полет фантазии: дальше кофе «Геркулес» и подтяжек «Здоровье» дело не идет.

Сообщи ему, дорогой Крокодил, что 700 мастеров нашей шахты зарабатывают в месяц больше 2 миллионов рублей. Трудно истратить столько денег на одни подтяжки!

НИКОЛАЙ КРЕТОВ,
мастер шахты № 18

Снежное,
Донбасс

Дорогой Крокодил!

Не можешь ли ты передать благодарность горкомхозу, милиции и санинспекции Ка-

луги от лица выздоравливающих коров?

Дело в том, что раньше сад по улице Дзержинского, между домами № 1 и № 3 (в самом центре города), использовался, по мнению горкомхоза, совсем не рационально. Там играли и резвились дети, отдыхали трудящиеся. «Бесхозяйственность», — решил горкомхоз и сдал сад в аренду ветеринарной лечебнице.

Теперь под сенью столетних деревьев в саду мычат коровы, блеют овцы, восторженно визжат свиньи. Прекрасно чувствуют себя и мухи. Позавтракав в саду никогда неубираемым навозом, они спешат обедать в раскрытые окна соседних домов.

Санитарная инспекция горсовета и 1-е отделение милиции, внемля жалобам населения, строго приказали ветеринарам привязывать скот не иначе, как отступив на один метр от окон и дверей, выходящих в сад...

Не находишь ли ты, дорогой Крокодил, что подобных работников даже и на это расстояние нельзя подпускать к управлению городским хозяйством и обслуживанию трудящихся?

Б. БЛОХИН, ЧИСТОПЬЯНОВ,
ПЕТРОВСКИЙ, КУЛЕШОВ,
ТИНЬЯКОВА,
РАЗИНА

Калуга

Товарищ Крокодил!

Как по-твоему: с какого возраста можно играть на бегах? Я спрашиваю это, потому что в городе Калинин тотализатор — одно из любимых детских развлечений. На местных бегах я увидел множество мальчиков и девочек от 10 лет и старше, которые принимали активное участие во всех заездах, покупали билеты и помогали кассирам. Нашелся один добрый мальчик, который объяснил мне систему игры так называемым «дублем» и «экстрадублем», а другой мальчик разметил мне программу бегах, указавши в каждом заезде фаворита, а то и двух.

Одно из двух: либо тотализатор, — действительно, полезная детская игра, и тогда надо ввести ее во всех городах и во всех школах, либо это — все-таки занятие, не совсем подходящее для несовершеннолетних, и тогда надо попытаться так и объяснить калининской гормилиции и горОНО.

С. КОСТЫЛЬКОВ

г. Калинин

Дорогой Крокодил!

Вношу рационализаторское предложение: ввиду обилия воды в трудах некоторых научных работников, предлагаю исчислять объем и оплату этих трудов не в печатных листах, а в литрах.

И. БУШУЕВ

Москва

Рис. Л. Сойфертиса

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРИВЫЧКА

— Этого товарища так грубо толкнули, а он ничего не ответил. Странно!

— Это же футбольный судья: он не замечает грубостей.

Вместо рецензии

Театр города Калинина

Пожалуй, записной московский театрал, услышав о спектакле в городе Калинине, снисходительно покривит губы в усмешке:

— Забавно! — скажет театрал. — Воображаю, как они там разделяют... Что именно вы видели? «Испанский священник» Флетчера? Ну, разумеется, эта пьеса в Москве прошла четыре года тому назад...

Кстати сказать, и четыре года тому назад комедия «Испанский священник» прошла с опозданием лет на триста с лишним, так как Флетчер — современник Шекспира. А что касается до снисходительности московского записного театра, то калининский спектакль в таком снисхождении не нуждается. Почему? А тому следуют пункты.

Надобно заметить, в нашем театральном искусстве выработался этакий штамп для постановок исторических пьес, в коих действие происходит от сотворения мира до XIX века. Пьесы прошлого, XIX и нашего, XX веков — те под этот штамп не подходят. Зато прочие все эпохи умещаются целиком и полностью. Каков же этот штамп? А вот каков: в основу кладется та здравая мысль, что никто из зрителей ни в древнем Египте, ни в средневековой Италии, ни в Англии времен Ренессанса лично не жил. Не успел, так сказать. Значит, четкого представления о том, как существовали граждане всех прошедших веков, ни у кого нет. Значит, если изобразить дело так, что в те времена население обитало не в домах или дворцах, а среди жер-

дочек, арочек, занавесочек, ширмочек, демиколонночек и лесенок, то особенно никто протестовать не будет. А между тем ширмочки, жердочки, занавесочки можно раскрасить повеселее. С этими жердочками так называемые «чистые перемены» (т. е. мгновенные смены декораций, без антрактов) производить гораздо легче нежели с настоящими декорациями.

Отметим: изобретено это оформление было покойным Вахтанговым и художником Нивинским для знаменитой «Принцессы Турандот». Тогда это было внове, талантливо, остроумно. Но за истекшие 16 лет условные Китай, Кипры, Эльсиноры, Лондоны, Флоренции и прочие места действий из жердочек и занавесочек развелись в таком количестве, что больше уже невоготу.

Записной театрал пожелал превратить наши заметки такого рода укором:

— Почему это, собственно, вы начинаете с оформления? Отзыв о спектакле должен сперва поговорить об авторе. Потом коснуться режиссера. Затем разобрать, кто из актеров дал образ, а кто образ недодал; кто поддерживал ансамбль, а кто выпадал из спектакля. Только после этого можно поговорить и про оформление. Да-с!

Отвечаем театралу: по нашему крайнему разумению, жердочки и занавесочки определяют и постановку и игру и даже автора исправляют в сторону этойкой нарочности. В самом деле, если лю-

ди живут в доме, едят и пьют из посуды, — это одно. А если они шныряют под арочками и прислоняются к занавескам, в знак еды стучат носами по папье-маше, — это другое. А ну-те — теперь пьеса будет в стихах? Тогда уж (при условии жердочек) это не люди. Это символы. Художественные чтеды в брызжах (как правило, в таких пьесах непременно есть брызжи).

Откровенно говоря, мы очень боялись, что в городе Калинине жердочки возобладают: Москва близко. Небось, «творческие командировки» в столицу — явление повседневное. Долго ли сманить столичными манерами?..

Можете себе представить восторг пишущего эти строки, когда раскрывшийся занавес обнаружил не жердочки и занавеси, а отличные декорации, легкие, светлые, красивые. И — трехмерные. Не условные (художник — Н. Сверчков).

Ну, конечно, кое-где жердочки просочились. Но, видать, единственно для того, чтобы доказать, что и нам нечужды «веяния».

Пьеса из тех добрых, старых пьес, в которых злодей — очень нехороший, благородные герои — блестят всеми добродетелями, как хорошо начищенная медная бляха, героини красивы, судьи смешны, а интрига запутанна, но, тем не менее, наивна до крайности. Хорошая пьеса!

Изложен «Испанский священник» белыми стихами переводчика Лоэинского. Ну, как говорится,

фирма сама за себя говорит. Стихи хорошие, а честная калининская публика не позволяет актерам баловаться декламацией. Играть надо просто. Конечно, герои и злодеи нет-нет и пустят раскатчик, зато комики крепко держатся земли (комики даже в Москве, в «жердочных постановках», играют очень земных, русских даже людей). Священника играет артист Брянский — любимец местных зрителей. Опытный, даровитый актер, который и в Москве группы не испортит.

Злодею играет артистка Маевская — и так при сем хлопочет, что из нее можно было бы выкроить трех — четырех злодеек.

Прочие играют: кто лучше, кто хуже. Но в целом умный и приятный спектакль. Постановка главного режиссера С. В. Виноградова. Конечно, можно найти повод для упреков и режиссеру: массовые сцены Виноградов поставил по принципу без натурализма, т. е. если на сцене шесть крестьян, — голосят они в унисон; если трое лжесвидетелей, — тоже вопят и стучат в унисон. Не надо этой дисциплины. А вот насчет чтения стихов не мешает подтянуться: читают иногда с погрешностями против правил литературной речи. Неплохо и свести всех исполнителей к одному стилю: разбредаются граждане исполнители, есть тот трех.

Но не будем придираться. Поздравим калининских зрителей и актеров. Все в порядке, товарищи!

ИВАН ДИТЯ

ГЛЯДЯ НА ФОТО

Рисунок новой ткани, которую выпускает ленинградская ситценабивная фабрика имени В. Слуцкой, возможно, будет хорош. Мастер граверной мастерской М. Лобанов и лучший шлифовальщик Ф. Петров заботятся о качестве каждого хромированного вала с рисунками. Заботится ли о качестве выпускаемых тканей директор фабрики А. В. Соколов, на фотографии не видно. Зато по самим тканям видно, что не заботится.

(Фото А. Штейнгардта. Союзфото).

ТОРГОВАЯ БАЛЛАДА

(Отрывок)

Гляжу, как безумный, на теплую шаль,
А грустную душу терзает печаль.
Зачем предлагаешь мне шаль, продавец?
Ведь жаркий июнь наступил, наконец!
Мне трусики надо... Рубашку «апах».
А чем ты порадуешь? Что ты мне дашь?
На валенки я, как безумный, гляжу,
Я майку купил бы, но... не найду.
Для девы ишу маркизет и сатин,
А ты предлагаешь башлык и ватин.
Но что же молчишь, продавец-монумент?
Ты должен бороться за ассортимент!

МИХ. КОССОВСКИЙ

ЗВОНЯТ ИЗ МИЛИЦИИ: — Похищенный у вас автомобиль найден и находится в милиции.

ПОТЕРПЕВШИЙ (торопливо): — Только вора, пожалуйста, задержите. Я хочу у него узнать, как ему удалось пустить в ход машину. Мне это никак не удавалось.

Редактор — МИХ. КОЛЬЦОВ. Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва, Изд. № 478

Сдача текста и рисунков 19/V—38 г.

Подп. к печати 26/V—38 г.

Статформат 72×105 см.

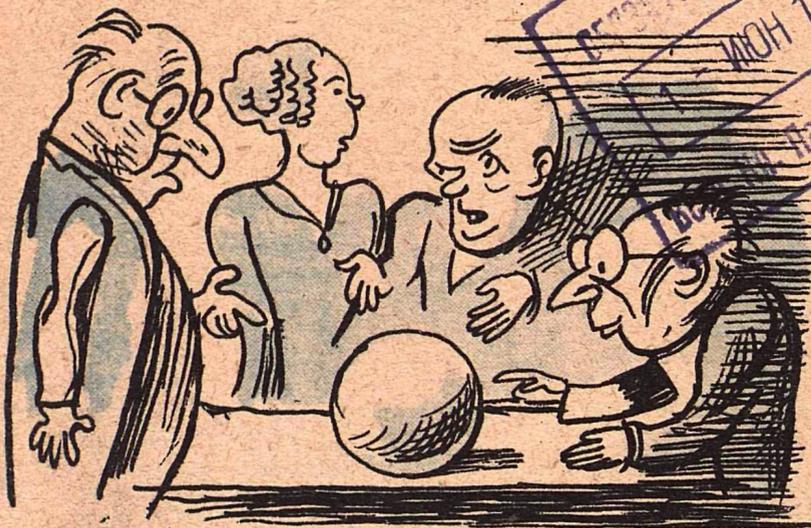
Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б-42361 Типография газ. „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1313. Тираж 275 000 экз.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ИГРУШКИ

Рис. А. Радакова

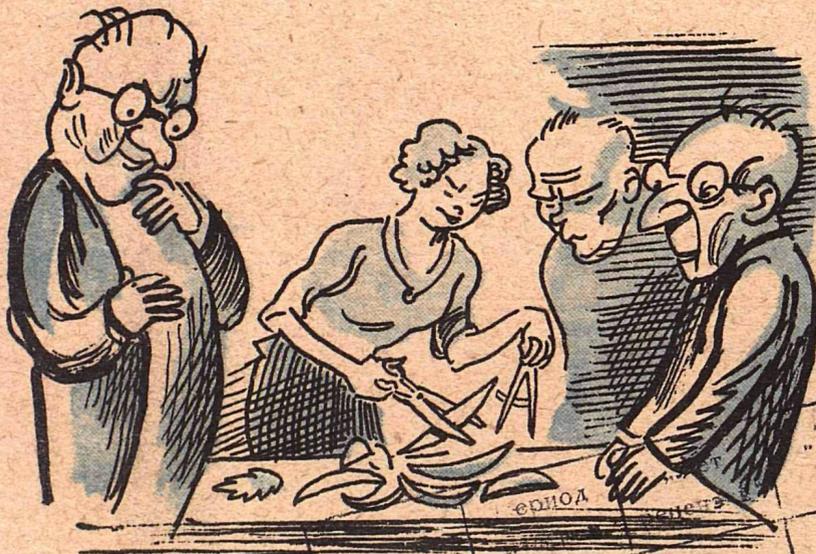
№ 477

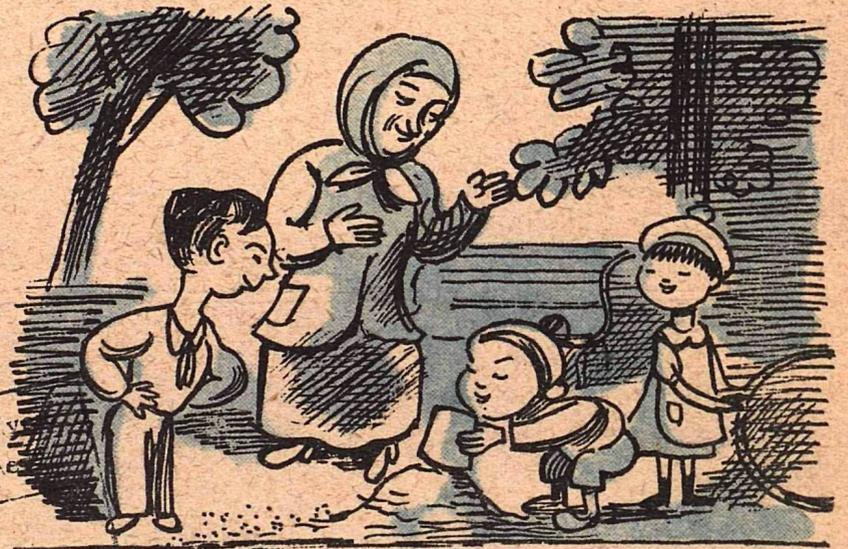
— Эту вещь надо обсудить, — сказали эксперты, рассматривая только что изготовленный для образца детский мяч.

— Он же совершенно пустой внутри. Его надо хотя бы осмыслить снаружи, — предложил эксперт № 1, проводя на мяче меридианы.

— Давать его ребенку в собранном виде — это бессмыслица. Надо дать простор конструкторско-мозговой деятельности юного гражданина, — сказал эксперт № 2.

И только эксперт № 3, находчивая няня, нашел выход из положения.
— Поиграй лучше в песочек, Петенька, — сказала она мальчику, получившему в подарок реконструированный мяч.

в ред. 2/1
Сдан в архив 2/1
3/1

Разговор с мамой

— Мама, ты спишь? Вставай, мама, я сама больше тебя усталая. Мы сегодня игрушки прорабатывали. Мишку мы уже совсем проработали... у него теперь одна лапа осталась.

Потом к нам пришла новая тетя, и Марья Семеновна сказала, что мы должны выращивать новых педагогов. Ну, мы эту тетю целый день выращивали. Я все смотрела: растет она или нет? Кажется, она и к вечеру не выросла.

Мама, ты опять спишь? Не спи, мама, мало ли чего тебе хочется. Я вот хотела играть в куклы, а Марья Семеновна сказала, что мне полагается играть с двигателями, иначе я буду отстать от детей, потому что кому больше пяти лет, тот уже должен играть не в куклы, а в двигатели. Ну, я взяла двигатель, надела на него платочек, туфельки, потом убавкала этого двигателя, и тогда уже можно было с ним играть.

Не спи, мама. Я сегодня совсем не спала, только немножко полежала.

А потом у нас было тематическое вырезывание. Мы вырезывали из бумаги на тему «Весна». А Вовка все время на эту тему плевался и два раза попал. А Марья Семеновна сказала, что она это учтет.

Вовку раньше звали трудный ребенок, а теперь трудных детей отменили, и Вовку теперь зовут бывший трудный ребенок.

А после обеда Вовка мне сказал, что к нам приходили какие-то дяди и нашли у Марьи Семеновны какие-то педологические остатки, а я сколько раз у Марьи Семеновны в комнате была и никаких остатков не видала.

Вовка говорит, что Марию Семеновну теперь тоже отменили и она теперь будет бывшая Марья Семеновна.

А. БАРТО